

Когда я познакомилась с человеком, назвавшимся Кино, мне было одиннадцать лет, и я все еще жила в деревне, где родилась. Честно говоря, я уже не помню, как меня тогда звали. Помню только, что это было название цветка и что если немного изменить звучание, то оно становилось страшным оскорблением. Другие дети часто смеялись надо мной.

Когда мы познакомились, Кино был высоким и очень худым. Он пришел в мою деревню пешком. Молодые стражники не были уверены, что должны его впускать. Им пришлось обратиться к начальству и ждать его решения. Пока они ждали, охранники заставили его нанести на голову порошкообразное белое средство от насекомых, просто чтобы унижить его. Похоже, это не дало желаемого эффекта.

Я заметила его, когда его заставили ждать, смотрела за ним, когда он с большим достоинством вошел, и не спускала с него глаз, пока он не оказался прямо передо мной. К тому времени солнце уже садилось, и его длинная тень доходила до самых моих ног, а затем накрывала меня.

На нем были ботинки, которых я никогда раньше не видела, черная куртка и длинное коричневое пальто, которое было таким пыльным, что я подумала, не нашел ли он его в яме в земле. На плече он нес рваный рюкзак. Он тоже был худым. Настолько худой, что мне хотелось есть, глядя на него. Его щеки были впалыми, волосы растрепанными. Белая пудра все еще прилипала к прядям.

Я была выше всех своих друзей, но ему все равно приходилось наклоняться, чтобы заговорить со мной.

— Привет, девочка. Меня зовут Кино. Я путешественник. А как тебя зовут?

Я подумала, что Кино - хорошее имя, короткое и легко произносимое. Лучше, чем какое-нибудь дурацкое цветочное имя. Но я все равно назвал ему свое имя.

— Какое красивое имя. Скажите, в городе есть гостиница? Если ты знаешь место, где не слишком дорого и есть душ, я был бы очень признателен. Я ужасно устал.

В то время мои мать и отец содержали недорогую гостиницу.

— Похоже на наше место, — сказала я.

Кино радостно улыбнулся. Он сказал мне, что именно этого и хотел.

Я повела его к себе домой.

Отец явно невзлюбил Кино с первого взгляда, но его лицо лишь на мгновение показало свое неодобрение, после чего он натянуто улыбнулся. Затем он поднялся из-за стола и повел моего нового друга в комнату. В конце концов, он не отказался от денег Кино.

Кино снова взял свою сумку, поблагодарил меня и поднялся по лестнице вслед за моим отцом.

Я же отправилась в свою комнату. На стене висел плакат, на котором большими красными буквами было написано "Еще три дня".

На следующий день я проснулась около полудня и вымыла волосы в раковине в спальне. Отец и

мать не пришли меня будить. В конце концов, это была моя последняя неделя. На плакате в моей комнате теперь было написано: "Еще два дня".

Я услышала шум в задней части дома и вышла в сад. За моим домом лежала большая куча металлолома с деталями машин, сломанных много лет назад. Деревенские дети часто играли в ней - то есть до тех пор, пока не садилось солнце.

Кино сидел рядом с кучей металлолома и бил по чему-то молотком. Это был колесный диск. Не толстый, как на автомобилях, а тонкий. Рядом с Кино лежала мотоциклетная рама. Я предположила, что колесо принадлежит ему.

Кино заметил, что я смотрю.

— Доброе утро, — сказал он. Его волосы все еще были взъерошены, но пудра от насекомых исчезла, так что они немного блестели.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Ремонтирую этот мотоцикл. Я спросил, могу ли я его купить, но твой отец сказал, что это старая рухлядь и я могу взять его, если захочу.

— Ты можешь его починить?

— Я могу его вылечить.

Кино рассмеялся, добавив, что это займет некоторое время, потому что он был в довольно плачевном состоянии.

Закончив выбивать колесо, он прикрепил его к мотоциклу. Затем он занялся тем, что бил молотком по предметам, тянул за них и соединял маленькие детали, чтобы сделать большие и более сложные.

Я некоторое время наблюдала за ним. Потом я проголодалась и пошла в дом, чтобы купить что-нибудь на завтрак.

После завтрака я снова пошел проверить, как там Кино. Он "вылечил" примерно половину мотоцикла. Теперь он стоял вертикально, опираясь на погнутую подставку.

— Он похож на мотоцикл, на котором я когда-то давно путешествовал, — сказал Кино, обернувшись. Он полировал какой-то стержень.

— Сколько времени это займет? — небрежно спросила я. — Я имею в виду, чтобы закончить лечение?

— Думаю, еще день. Скоро он начнет двигаться.

Он?

— Мотоциклы могут передвигаться сами по себе? — спросила я, ухватившись за странный выбор слов Кино.

— Ну, если быть совсем точным, то не сам, нет. Кто-то должен сесть на него сверху, заключить с ним договор. Тогда он сможет двигаться.

— А что такое "договор"?

Кино посмотрел на меня и слегка похлопал по бензобаку мотоцикла, почти погладил его.

— В данном случае договор - это обещание помогать друг другу.

— Как помогать друг другу?

— Ну, я не могу бегать так быстро, как может ездить мотоцикл, — сказал он.

Я кивнула. Он был тощим и, вероятно, не мог бегать очень быстро или далеко.

— А мотоциклы, может быть, и могут ехать быстро, но они не могут держать равновесие, если на них кто-то не сидит.

— Поняла. — Я кивнул.

— Так что я сижу на мотоцикле и обеспечиваю равновесие, мотоцикл обеспечивает скорость, и мы можем наслаждаться нашими путешествиями вместе.

— Значит, вы помогаете друг другу. Это договор, — заключила я.

— Именно. Как только он проснется, я спрошу его, что он думает.

— И он тебе скажет?

— Конечно! — сказал он и подмигнул мне.

Я вернулась в дом, заварила чай и принесла чашку Кино. Он отпил и сказал, что очень вкусно. Когда он допил чуть меньше половины чашки, он сказал:

— Мы должны выбрать ему имя. Что скажешь?

— Как ты назвал свой старый мотоцикл?

— Гермес.

— По-моему, звучит неплохо.

— Правда? Значит, Гермес.

Кино счастливо улыбнулся.

Думаю, я улыбнулась в ответ.

После этого Кино продолжил лечить мотоцикл. Я сидела позади него, наблюдая некоторое время, а потом спросила:

— Чем ты занимаешься, Кино?

— Занимаюсь? — спросил он, не оборачиваясь. Его руки продолжали работать.

— Ты ведь взрослый, верно?

— Ну, во всяком случае, взрослее, чем ты.

— Но ведь каждый взрослый должен выполнять какую-то работу, верно?"

Мне показалось, что Кино выглядит немного смущенным. Теперь я поняла, почему.

— Эм... да, наверное.

— Тогда в чем заключается твоя работа? — спросила я.

— Хм, наверное, можно сказать, что я путешественник. — ответил Кино. — Да. Профессиональный путешественник.

— Значит, твоя работа заключается в том, чтобы посещать самые разные места?

— Да.

— Даже плохие места?

— Иногда. Но большинство мест хорошие, и я очень хорошо провожу время.

— Ну, тогда это не работа, — сказала я. Руки Кино перестали работать, и он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Работа - это тяжело, — объяснила я. — Она никогда не бывает веселой. И не должна быть. Это просто то, что ты должен делать, чтобы выжить. Если ты получаешь от этого удовольствие, то путешествие - это не работа.

— Правда? — пробормотал он, наклонив голову на одну сторону.

Мне показалось, что он смеется надо мной, и я попыталась показать ему, что понимаю, как устроен мир. — Вот почему завтра - нет, послезавтра - мне предстоит операция.

Он выглядел озадаченным.

— Какая операция?

— Чтобы стать взрослым. Так что это моя "последняя неделя".

Кино спросил, что я имею в виду. Сначала я удивилась, что он не знает о "последней неделе". Но потом поняла, что зря. Конечно, он не знал о последней неделе, он же не местный. Я решила, что должна объяснить. Пусть это займет много времени, но я знала, что он послушает.

В моей деревне, рассказывала я Кино, все, кому больше двенадцати, считались взрослыми. Все, кто младше этого возраста, были детьми. Взрослые - это люди с работой и обязанностями.

Взрослые всегда говорили своим детям. "Вы, дети, можете делать все, что хотите. И это нормально. Но взрослые никогда не могут делать то, что им нравится, потому что у них есть

работа. Чтобы жить, нужна работа. Работа - это самое важное в вашей жизни. Когда ты на работе, тебе приходится делать то, что ты не хочешь делать, даже то, что ты считаешь ошибкой. Но не волнуйся. Когда тебе исполнится двенадцать, тебе сделают операцию. Мы вскрыем твою голову и вытащим из нее ребенка. Эта операция превратит тебя во взрослого человека. Тогда твои мама и папа тоже смогут расслабиться.

Неделя перед операцией - неделя перед двенадцатилетием каждого ребенка - называлась "последней неделей". Никому из деревни не разрешалось разговаривать с этим ребенком. Последнюю неделю они проводили в одиночестве. По-моему, никто никогда не говорил нам, почему так происходит, хотя у каждого ребенка, которого я знал, была своя теория.

Когда я закончила свое неуклюжее объяснение, Кино сказал:

— Понятно. Это жестокая система.

— Почему ты так говоришь? С помощью этой операции каждый ребенок может стать настоящим взрослым!

Я была искренне озадачена. Если бы ты не смог возненавидеть операцию и стать взрослым, что бы с тобой стало?

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду под "настоящим взрослым". Разве взрослый - это тот, кто делает то, что ему не нравится? Можно ли по-настоящему наслаждаться жизнью, если все, что ты делаешь, - это то, что ты ненавидишь? А заставлять всех делать операции... Я тоже этого не понимаю.

Кино нахмурился.

— Ты сказал, что ты взрослее меня. Так тебе делали операцию или нет?

— Нет. Никакой операции не делали.

— Значит, ты ребенок?

— Нет.

Он не был ребенком и не был взрослым? Я не поняла.

— Так кто же ты?

— Кто я? Я Кино. Человек по имени Кино. Вот и все. И я путешествую.

— Тебе нравится путешествовать?

— Да, нравится. Поэтому я и путешествую. Конечно, путешествуя, на жизнь не зарабатываешь, поэтому я продаю лекарственные травы, которые нахожу по дороге, или обычные вещи, которые подбираю то тут, то там. Можно назвать это работой, я полагаю. Но в основном я путешествую. Я делаю то, что мне нравится делать.

— То, что тебе нравится...

Эта мысль поразила меня. Я очень ревновала. До этого момента я считала, что дети должны делать эту операцию и становиться взрослыми. Любить что-то или ненавидеть что-то - это чувства, которые могут испытывать только дети.

Мое детство почти закончилось. И вот теперь Кино говорит мне, что этого может и не быть.

— Что тебе больше всего нравится? — спросил Кино.

Я быстро ответила:

— Я люблю петь!

Кино улыбнулся мне.

— Я тоже люблю петь. Я часто пою, когда путешествую.

И он начал петь. Это была быстрая песня, я не понимал слов, а он действительно плохо пел. Когда он закончил песню, он сказал:

— Но я не очень хорош, правда?

— Ага, — искренне согласилась я и рассмеялась, чувствуя облегчение от того, что он знал, что он ужасен, и мне не пришлось ранить его чувства.

Кино хихикнул.

— Но даже если я не умею петь, мне нравится пытаться.

Я прекрасно понимала, что он чувствует. Иногда я пела, когда оставалась одна и рядом не было никого, кто мог бы услышать мою песню, кроме меня.

И я пела песню, которая мне нравилась. Она была медленной, но счастливой, с очень красивой мелодией. Я до сих пор часто пою эту песню.

Когда я закончила петь, Кино зааплодировал.

— Ты действительно хороша! Я удивлен. Возможно, ты лучший певец, которого я когда-либо слышал.

Смутившись, я поблагодарила его.

— Тебе нравится петь, и ты действительно хорошо поешь, так почему бы тебе не стать певицей? — спросил Кино.

— Я не могу стать певицей.

— Почему?

— Потому что мои мать и отец не певцы.

Он пожал плечами, как бы говоря, что не понимает, и я решила, что лучше объяснить ему.

— Взрослые заводят детей, чтобы было кому занять их место, верно? Так было всегда. Это...

— Обычай? Долг? — уточнил Кино.

Я кивнула.

— Понятно... так уж устроена ваша деревня.

Он выглядел очень опечаленным, но вернулся к лечению мотоцикла.

Я некоторое время наблюдала за его затылком, а потом спросила:

— Не везде так?

Он приостановился в своей работе, а затем покачал головой.

Я вернулась в свою комнату.

Вечером того же дня. Я лежал в своей постели и думала. Я всегда считала, что лучше всего единственное, что можно сделать, это сделать операцию и стать взрослой. Теперь же я начала задумываться, не было ли чего-то неестественного в том, как поступали в моей деревне. Что-то неестественное в том, чтобы всю оставшуюся жизнь заниматься не тем, что тебе нравится, а тем, что ты ненавидишь. И что еще хуже - даже не иметь возможности сказать, что ты это ненавидишь.

Я размышляла об этом некоторое время и пришла к определенному выводу. Я не хотела всегда оставаться ребенком, но если уж мне предстояло вырасти, то я хотела сделать это сама. Я не хотела, чтобы меня заставляли расти так же, как и всех остальных. Даже если я ошибусь в порядке и сроках. Я хотела стать таким взрослым, каким хотела быть сама - таким, каким был Кино. И я хотела найти работу, которая была бы мне по душе и нравилась - и то и другое одновременно. Я хотела быть самой собой.

На следующее утро, когда я проснулась, на плакате на стене было написано "Последний день!". Я спустилась вниз, в открытый дворик у входа в отель, где находились мои родители. Им не разрешалось разговаривать со мной, но они могли ответить, если я заговорю с ними первой.

Я перечитала все, о чем думала накануне вечером, и сказала:

— Я не хочу делать операцию, чтобы стать взрослой. Есть ли другой способ повзрослеть? Способ стать взрослой и остаться самой собой?

Я просто спросила, не поднимая шума.

Но эти слова должны были изменить ход моей судьбы. А заодно и судьбу Кино.

Мои родители отреагировали так, словно им приснился кошмар. Они уставились друг на друга, в их глазах прыгал ужас.

Мой отец закричал:

— Глупый ребенок! Как ты можешь так говорить! Ты плохая, плохая девчонка! Как ты смеешь говорить такое... такое предательство! Такое богохульство! Неужели ты хочешь всю жизнь оставаться ребенком и никогда не вырасти?

Затем он посмотрел на мою мать, и она взяла себя в руки - ее слова хлестали, как плеть, в глазах застыл страх.

— Извинись, глупый ребенок! Скажи, что тебе жаль! Перед своим отцом! Перед мной! Перед деревней! Умоляй нас простить твои глупые капризы! Пообещай, что никогда больше не скажешь ничего подобного, и мы... мы забудем, что это вообще произошло.

— С чего бы это ты вдруг стала говорить что-то подобное? Тебя кто-то научил этим безумным идеям?! — кричал мой отец.

Теперь мне понятно, почему они так отреагировали - в конце концов, никто из них не смог удержаться от этой операции. Они убедили себя, что это замечательная вещь. Это был защитный механизм, защищающий их душевное спокойствие. Но если моя мать охотно верила, что это глупые бредни ребенка, то отец не мог так просто отмахнуться от моих слов. Он искал способ приписать их кому-то другому. Кому-то вроде Кино.

Услышав переполох, близкие взрослые стали собираться вокруг патио.

— Что случилось?

— Я слышал крики...

Их манеры были укоризненными, поскольку мои родители вели себя не так, как положено взрослым.

К моему удивлению, отец сказал:

— Прошу прощения. Моя глупая дочь сказала ужасную вещь! Она не хочет идти завтра на операцию!

Я была ошеломлена тем, что он сказал им это - и не попытался скрыть свой позор.

Реакция соседей была предсказуемой.

— Что? Идиотка! Ты плохо ее воспитал! Это твоя вина!

— Вырастить без операции? Сама идея безумна!

— Как ты можешь так говорить о великой операции? Может, ты и ребенок, но некоторые вещи непростительны!

Затем они начали кричать на меня, как будто что-то сломалось внутри, и они должны были продолжать, пока у них не кончатся слова.

— Пожалуйста, простите нас! Мы позволили ей отступить от моральных норм! — причитала моя мать.

Отец посмотрел на меня сверху вниз.

— Вот что бывает, когда ты говоришь глупости. Ты навлекла на нас позор! Это все этот мерзкий путешественник, говорю тебе. Он вбил в твою голову эти имбецильные идеи!

Отец схватил меня за руку и, таща за собой, пошел искать Кино.

Кино был у заднего входа. Рядом с ним стоял мотоцикл, сверкающий как новенький. Трудно было поверить, что он был разбит в хлам всего два дня назад. Негабаритный рюкзак Кино был пристегнут за задним сиденьем и покачивался в такт вибрации двигателя. Заднее колесо не касалось земли, а вращалось в воздухе, подвешенное на подставке. Поперек сиденья лежало коричневое пальто, в котором Кино въехал в деревню. Теперь оно было чистым, но не менее поношенным.

Отец закричал на него, тряся меня с такой силой, что у меня закрипели зубы:

— Ты там! Да, ты... грязный пришлый!

Когда Кино повернулся к нему с невозмутимым спокойствием, ярость отца перешла в бешенство, и он закричал, скорее по-звериному, чем по-человечески.

Кино посмотрел на меня и тихо сказал:

— Это то, что дает тебе операция? Возможно, тебе будет лучше без нее.

Он подмигнул мне.

Я хихикнула. В одно мгновение мой разум стал ясным и спокойным. Я была полна решимости.

— Ты! Ты!

Мой отец тряс сжатым кулаком над Кино, изо рта летели слюни и пена.

Кино смотрел на моего отца с терпением святого.

— Да?

— Да? Да? Я скажу тебе "да"! На колени! Проси прощения! У меня! От всех в этом городе!

Склонив голову набок, Кино спросил:

— Прощение? За что?

В ответ отец снова завыл. Его лицо было красным, а все тело тряслось. Я вгляделась в лицо этого взрослого человека. Он выглядел совсем не так, как я, когда ссорился из-за какой-нибудь глупости с другом и бежал домой в слезах.

Он уже собирался крикнуть что-то еще, а может, просто снова завывать, как вдруг раздался голос:

— Думаю, достаточно.

Это был старейшина деревни.

Тогда я еще не знала, как его правильно называть, но знала, что это важный человек. Его манеры настолько отличались от манер этих взбешенных взрослых, насколько это вообще возможно. Интересно, была ли операция и для этого?

Старейшина деревни обратился к Кино.

— Путешественник, в каждой деревне, в каждом доме есть свои обычаи. Ты это знаешь.

Это был не вопрос, но Кино ответил:

— Знаю.

— В этой деревне тоже есть свои обычаи. Эти обычаи древние, и их не изменить никакими твоими действиями. Я уверен, что ты это понимаешь.

Плечи Кино опустились.

— Понимаю. Я как раз покидал вашу деревню, старейшина. Если я останусь здесь еще дольше, меня могут убить. Существуют ли протоколы, которые я должен соблюдать, чтобы уйти?

Старейшина ответил, что нет.

— Если вы поедете прямо туда, — сказал он, указывая в направлении, куда ехал мотоцикл, — то доедете до ворот. Воспользуйтесь ими. Но я не думаю, что вашей жизни угрожает опасность. Вы вошли в эту деревню правильно, следуя установленным процедурам. Я гарантирую вашу безопасность до тех пор, пока вы не пройдете через ворота. В конце концов, это Страна взрослых.

Кино повернулся ко мне, присел и заглянул в лицо. Я смутно осознала, что отец больше не стоит надо мной.

— Прощай, маленький цветочек, — сказал Кино.

— Тебе нужно уходить?

Я хотела, чтобы он остался подольше. Я хотела узнать его после операции. Я хотела поговорить с Кино как со взрослым.

Но Кино сказал:

— В одном месте я бываю только три дня. За это время можно узнать почти все о большинстве мест. Кроме того, если ты останешься дольше, то не сможешь посетить столько новых и разных земель. До свидания. Будь здорова.

Я помахала ему рукой, и Кино уже собирался забраться на мотоцикл, когда снова появился мой отец с длинным тонким разделочным ножом. Моя мать стояла позади него, плача и размахивая блузкой.

Кино обернулся.

Мой отец посмотрел на старейшину деревни, протягивая ему нож для осмотра. Старейшина кивнул.

Я смотрела на отца и думала только о том, как странно, что он держит на улице разделочный нож. Это было так неуместно.

Кино спросил старейшину деревни, зачем мой отец принес нож.

Старейшина тем же точным и отстраненным тоном, каким говорил все это время, произнес самые страшные слова:

— Он использует нож, чтобы избавиться от девочки.

Все краски исчезли с и без того бледного лица Кино.

— Что?

— Она отрицала необходимость операции и не послушалась родителей. Такого ребенка нельзя оставлять на произвол судьбы. Дети всегда, по вполне понятным причинам, являются собственностью своих родителей. Родители создали своих детей, и они имеют полное право распоряжаться неполноценными.

Тогда я поняла, что отец намерен меня убить. Я не хотела умирать, но ничего не мог с этим поделать. Я подняла голову и увидел на лице отца выражение, которого никогда раньше не видела.

— Ни на что не годная, — прошептал он, и в его словах звучала чистая ненависть.

— Путешественник. Пожалуйста, отойди в сторону. Здесь опасно, — сказал старейшина деревни.

Мой отец бросился на меня с ножом. Я увидела, как блеснуло серебряное лезвие, и подумал что это красиво.

Затем мир затих, и время замедлило свой бег. Я увидела, как Кино нырнул ко мне сбоку, пытаясь остановить выпад отца. Но нож летел на меня слишком быстро.

Спасибо, но ты опоздал.

Лезвие было в нескольких сантиметрах от меня, когда отец отклонил его в сторону и ударил Кино в грудь, когда тот бросился между нами. Клинок вонзился в его тело.

Звук вернулся, и я услышала странный крик. Кино стоял, словно обнимая моего отца, конец разделочного ножа торчал из его спины. Он упал к моим ногам, нож все еще торчал в нем. Его тело упало на землю с глухим стуком и лежало неподвижно. Я знала, что он уже мертв.

Собравшиеся жители деревни вздохнули, после чего наступила долгая тишина.

Не в силах думать, я сделала несколько шагов назад и столкнулась с мотоциклом. Он покачнулся на подставке, но устоял.

Мой отец рассмеялся. Он огляделся вокруг и сказал:

— Ты это видел! Ты видел, как этот человек проскочил между нами. У меня не было времени отвернуться. Я хотел убить свою дочь, ты знаешь это. Но вместо этого я убил его. — Он повернулся к старейшине деревни. — Что нам делать с таким ужасным происшествием?

Я знала, что слова отца абсурдны. Все взрослые тоже это понимали. Они все смотрели друг на друга. Они посмотрели на моих родителей, потом на старейшину.

Спустя мгновение старейшина сказал:

— Ну, путешественник действительно прыгнул на путь ножа, так что, полагаю, тут ничего не поделаешь. Ты же не пытался его зарезать. Это был, как вы правильно сказать, несчастный случай. Очень досадная случайность. Ты ни в чем не виноват. Все согласны?

Взрослые вокруг них кивнули, их глаза были пустыми и широкими.

— Да, конечно, это был несчастный случай. Очень прискорбный. Очень печально, — повторяли они.

Мой отец поклонился старейшине деревни.

— А этот плохой ребенок?

Старейшина обратил на меня свои темные глаза. Они были как осколки оникса - плоские, черные, молчаливые.

— Можешь избавиться от нее. Если есть кто-то, кто виноват в смерти путника...

Он пожал плечами и отвернулся.

Отец поклонился во второй раз и сказал:

— Твоя мудрость приносит мне удовлетворение.

Моя мать просто стояла позади него и смотрела на меня, прикрыв рот руками. Она ничего не говорила, эта женщина, которая когда-то называла меня своим "маленьким цветочком", как и Кино... перед смертью.

Хотя я знала, что они убьют меня, в тот момент я была счастлива, что хотя бы умру без операции - не став "настоящим взрослым".

Мой отец протянул руку и попытался вытащить нож из тела Кино, но тот сопротивлялся. Мама наклонилась, чтобы помочь. Эфес ножа был в крови, поэтому она оттолкнула руки отца и схватила его за рукав своей белой блузки. Он обхватил ее руками, и медленно, дюйм за дюймом, они вытащили его с ужасным скрежещущим звуком.

Если подумать, эта задержка была последним подарком Кино мне. Как будто он каким-то образом удерживал лезвие ножа, чтобы выиграть для меня время. Пока мои родители работали над ножом, борясь за контроль над ним, маленький голосок прошептал мне на ухо.

— Ты умеешь кататься на велосипеде? — сказал он. Голос звучал так, словно это был голос маленького мальчика, даже младше меня.

— Да, — прошептала я в ответ.

Голос продолжал:

— Если ты останешься здесь, то умрешь.

— Я лучше умру, чем останусь в живых и перенесу операцию. Эта операция хуже смерти, если она сделает меня такой же, как они.

Снова ужасный скрежет металла по кости. Нож был наполовину вынут.

— Но если честно, ты хочешь умереть?

Честно?

— Я бы предпочла жить.

— Тогда, — тихо сказал голос, — пришло время третьего варианта.

— И какого же?

Почти весь нож был вынут.

— Ты умеешь ездить на велосипеде, да?

— Да.

— Тогда забирайтесь на сиденье мотоцикла, который стоит позади. Возьмись за руль. Поверни правую руку к себе и наклонись вперед. Это будет похоже на езду на велосипеде - большом, тяжелом велосипеде.

С ужасным всасывающим звуком, который я до сих пор слышу по ночам во сне, нож выскользнул из трупа Кино, и мои отец с матерью повалились на спину. Нож был у моего отца. Взрослые вокруг них вскрикнули в тревоге, а затем нервно засмеялись.

— И что дальше? — спросила я, слишком громко. Взрослые странно оглянулись на меня, словно забыли, что я здесь, словно забыли, о чем идет речь. Мой отец держал в окровавленной руке ужасный разделочный нож и ухмылялся. Он был ужасен, но я не чувствовала страха.

— Мы уезжаем! — кричал тоненький голосок.

Я развернулась и прыгнула на сиденье мотоцикла как раз в тот момент, когда отец бросился ко мне, размахивая ножом. Мама закричала.

Как мне и было велено, я повернула правую рукоятку и наклонилась вперед. Мотоцикл тяжело упал с подставки, и двигатель взревел. Мое тело отбросило назад, и я отчаянно вцепилась в руль и обхватила коленями бензобак.

Скопление взрослых внезапно оказалось позади меня.

Я ехала на мотоцикле. И это было так же, как ехать на большом, тяжелом велосипеде. Я слегка придерживала руль, когда мы преодолевали неровности. Выхав на ровную дорогу, мы помчались прочь.

— Хорошая работа! Продолжай в том же духе! — кричал голос. — Крепко держись за бак бедрами. Так ты более устойчива. Сейчас я расскажу тебе, как переключать передачи.

Я последовала указаниям голоса. Ветер бил мне в лицо, заставляя глаза слезиться. Сквозь слезы я видела, как ворота впереди нас становятся все больше и больше, а потом вдруг они остались позади, и мы оказались на открытой дороге, бегущей по казавшимся бесконечными полям зеленой-зеленой травы. Впервые в жизни я оказалась за воротами деревни.

Я ни о чем не думала, пока ехала, ни на чем не концентрировалась, кроме как на сохранении равновесия. Ни о родителях, ни о Кино, ни о холодных, онисовых глазах старейшины деревни. Даже о жизни, которую я оставила позади.

Ветер щипал глаза, но я не обращала на него внимания. Я ехала дальше, всхлипывая.

Не знаю, как долго я ехал. Минуты, часы, дни. Потом голос сказал:

— Ладно, думаю, хватит об этом.

Я пришла в себя, моргнула и села на сиденье ровнее.

— Делай то, что я тебе говорю.

Как и было велено, я осторожно потянула левой рукой за рычаг, а правой нажала на педаль, и мотоцикл постепенно замедлил ход. Когда казалось, что он вот-вот остановится, я высунула ноги.

На велосипеде мои пальцы слегка отскочили бы от земли, и я бы скользнул к остановке, но здесь все было иначе. Мои ноги сильно ударились о землю, и тяжелый мотоцикл опрокинулся.

— Ип! — взвизгнул мой терпеливый инструктор. Все еще держась за руль, я ударилась о грунт и покатила, в ушах звенело от удара металла о грязь.

— Ну, это было просто ужасно! Кто учил тебя ездить на велосипеде, как-там-тебя-зовут?

Я проигнорировала голос и легла на спину, глядя в небо. Оно было пустым и голубым. Я повернула голову и не увидела ничего, кроме травы и цветов, покачивающихся на ветру. Я встала и огляделась. Я находилась в центре поля красных цветов. Поле было таким широким, что, когда я оглянулся назад, на колею, которую проделали в нем шины мотоцикла, я уже не могла увидеть свою деревню. Но на мгновение я вспомнила путешественника, который лежал там, во дворе за нашей гостиницей, с ножом в руке и умирал.

— Кино, — прошептала я. Странно, но мне не было грустно. Я больше не могла плакать. Я выплакала все слезы и отдала их ветру. Но я и не радовалась. Я просто стояла, оцепенев.

— Эй! — раздался голос рядом с моими ногами. Я посмотрела вниз и увидела лежащий на боку мотоцикл. — Я сказал, что это просто ужасно!

— Что?

— Твое вождение, вот что. Тебе не составит труда поставить меня в вертикальное положение?

Как ни странно - неожиданно - голос доносился из мотоцикла Кино.

— Мотоцикл? Это ты?

— Конечно, я! Здесь ведь больше никого нет, правда?

Голос звучал немного раздраженно.

Вокруг никого не было. Мы были одни в поле красных цветов.

— Точно, извини.

— Мне не нужны твои извинения, девочка, мне нужно, чтобы ты поставила меня в вертикальное положение. Пожалуйста, — добавил мотоцикл, и в голосе его прозвучала нужда.

Этот тон показался мне более очаровательным, чем требовательное нытье. Я сделала, как он просил: присела, прижалась грудью к сиденью и со всей силы потянула его вверх.

Мы помяли множество красных цветов.

Я поставила ногу на подставку и надавила на нее, одновременно потянув мотоцикл вверх.

Мотоцикл переехал через стойку назад и не опрокинулся, когда я отпустила его.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила я.

— Там было близко.

В голосе прозвучало облегчение.

На секунду я не поняла, что это значит. Потом я вспомнила, как солнечный свет блестел на лезвии разделочного ножа. Как будто я наблюдала за тем, как это происходит с кем-то другим. Как будто я больше не была той маленькой деревенской девочкой.

— Спасибо, что спас меня, — машинально сказала я.

Мотоцикл ответил:

— И тебе спасибо. Если бы меня там оставили, кто знает, что бы со мной случилось? Я рад, что ты вывезла меня оттуда, Кино.

— Как ты меня только что назвал? — спросила я.

— Кино.

— Почему?

— Минуту назад я спросил тебя, как тебя зовут, и ты сказала "Кино".

— Но я... — и я начал произносить свое имя, но оно уже не было моим. Это было имя ребенка, который жил в этой деревне, не заботясь ни о чем на свете. Которая считала, что в двенадцать лет нужно сделать операцию, чтобы стать "взрослым". Сегодня этот ребенок умер, или, возможно, она просто выросла сама по себе.

В любом случае ее больше не существовало.

Я сделала шаг ближе к мотоциклу и сказала:

— Я - Кино. Хорошее имя, не так ли?

— Да, мне нравится. Скажи, как меня зовут? У меня оно есть? Я не помню.

Я вспомнила имя, которое мы с другим Кино выбрали накануне.

— Гермес. Тебя зовут Гермес. В честь старого друга... который умер.

— Хм... Гермес. Неплохо, — сказал Гермес, попробовав свое имя еще несколько раз, явно довольный. Затем он спросил: — Что дальше, Кино? Что мы будем делать? Куда мы пойдём?

Мы стояли там, в центре красного моря, и вокруг нас поднимался мягкий аромат цветов и травы. У меня не было ответов для него, а у него - для меня.

Итак, мы отправились в путь, ничего не зная, и в первую очередь о том, куда мы направляемся.

<http://tl.rulate.ru/book/100394/3776438>